ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1994

© 1994 г. В.Г. ГУЗЕВ

# К ВОПРОСУ О СЛОГОВОМ ХАРАКТЕРЕ ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

В публикациях о древнетюркской руноподобной письменности (ДТРП), появившихся в последние десятилетия, с растущей уверенностью отстаивается гипотеза о её иноязычном происхождении [1–8]. Общее впечатление от этих публикаций: отдельные загадки тюркской руники пока остаются нерешенными, и ряд фактов может быть интерпретирован иначе; исследователи отдают предпочтение анализу внешней формы письма, которая, как известно, в большей мере, чем внутренняя форма, подвержена воздействию разного рода факторов (начиная от характера письменных средств, кончая контактами с инородными культурами) и потому более изменчива; практически не используются возможности фонологической и грамматологической теорий.

Автор настоящей заметки абсолютно солидарен с О. Прицаком в том, что более точно должен быть определен характер ДТРП [6, с. 83], т.е., иными словами, необходимо уточнить представление о её внутренней форме. Однако утверждение этого автора, что В. Томсен, как и все исследователи, полагал, будто он имеет дело с буквенным письмом, представляется излишне категоричным. Напомним слова самого В. Томсена: "Обилие отдельных знаков сразу делает вероятным предположение, что загадочное письмо это не есть обыкновенный алфавит с определенным знаком для каждого отдельного звука, а что оно должно быть или письмом слоговым, или по крайней мере таким, в котором знаки для одного и того же звука в известных пределах разнообразятся, смотря по различным условиям, в которых этот звук находится" (перевод В.Р. Розена) [9, с. 327].

Одна из загадок тюркского рунического письма связана с той, пожалуй, самой броской его особенностью, которую Е.Д. Поливанов назвал "консонантным дуализмом" [10]. Одиннадцать пар знаков для десяти согласных фонем (девять – для фонем: */b/*, */d/*, */g/*, */j/*, */l/*, */n/*, */r/*, */s/*, */t/* и две пары – для согласной */k/*) отчетливо отражают действие нёбной гармонии гласных в языке, которым написаны памятники, поскольку одни члены пар используются в начертаниях исключительно заднерядных, другие – переднерядных слов, словоформ и формантов.

Если вспомнить, что согласная */k/* иногда передается в надписях еще одним (пятым) знаком ("*yk*"), встречающимся в заднерядных графических словах, а один из двух знаков для */č/* ("*ič*") используется в начертаниях переднерядных слов, то придется признать, что в количественном отношении такой полноты консонантной репрезентации функционирования нёбной гармонии гласных, как в ДТРП, не обеспечивала ни одна из письменностей, которыми когда-либо пользовались тюрки, а письменность современных турок (созданная, подчеркнем, самими носителями одного из тюркских языков) вообще никак не отражает гармонию гласных посредством согласных.

Именно консонантный дуализм стал одним из факторов, которые привели Е.Д. Поливанова к мнению, что древнетюркский рунический алфавит был создан тюрками. Он писал: "Помимо "этимологий букв" за это решающим образом говорит положенный в основу алфавита сингармонистический принцип" [10, с. 179].

Древнетюркский консонантный дуализм представляет большой интерес с фонологической точки зрения. Лингвальными дифференциальными признаками в тюркских языках, как правило, обладают г л а с н ы е. Именно гласная начального слога (при этом она нередко оказывается анлаутной) обусловливает сингармонистический ряд всех единиц (фонов), составляющих слово или словоформу. Н.С. Трубецкой писал: "Так как согласный *j* не имеет палатализованных или веляризованных разновидностей, а многие слова состоят только из гласного и *j* (*aj* "месяц", *aju* "медведь" и т.д.), то гласные могут иметь определенный тембровый признак и независимо от окружающих согласных, тогда как согласные палатализуются или веляризуются лишь в сочетании с гласными ... Таким образом, противоположения по тембровому признаку у гласных являются фонематическими, тогда как палатализованные и веляризованные разновидности согласных являются лишь комбинаторными вариантами ..." [11].

Вместе с тем, именно Н.С. Трубецким было впервые сформулировано положение, согласно которому носитель языка нормально стремится к отражению на письме ф о н е м, а варианты фонем, т.е. единицы субфонемного уровня, индивидом не осознаются [12]. Это положение находится в полном соответствии с идущим от И.А. Бодуэна де Куртенэ пониманием фонемы как "фонетического представления" [13], т.е. как абстракции, складывающейся в индивидуальной языковой системе носителя на базе какого-либо конкретного класса действущих в речи функционально эквивалентных минимальных звуковых сегментов (фонов) [См.: 14].

В свете изложенного приходится констатировать, что с фонологической точки зрения явление консонантного дуализма содержит в себе два очевидных противоречия:

1. Если создатели письма были тюрками, то для манифестации палатальной гармонии гласных они и должны были опираться на г л а с н ы е своего языка. Однако в надписях налицо типичная консонантная гиперграфия (отражение на письме единиц субфонемного уровня, т.е. аллофонов согласных), имеющая следствием громоздкую аллографию (использование более одного знака для передачи одной фонемы [15]. И это явление имеет место вопреки тому, что для согласных фонем признаки палатализованности // веляризованности не могли быть фонологически релевантными.

2. А если допускать, что письмо создавалось н е т ю р к а м и (ибо только иноязычный человек мог воспринимать различие между велярными и палатальными аллофонами согласных), то вызывает недоумение наличие парных знаков для /j/ (которая, как явствует из приведенных слов Н.С. Трубецкого, не может иметь соответствующих аллофонов).

Решение загадки, как представляется, подсказывается, с одной стороны, тем, что В. Томсен, как уже было сказано выше, исходя из большого количества (38) знаков, допускал, что он имеет дело не с обыкновенным алфавитным письмом (нормальное количество знаков около 30), а со с л о г о в ы м, с другой, – тем, что мы знаем о вокалических знаках в ДТРП.

Напомним, что первыми знаками, которые В. Томсену удалось выделить в первую очередь, были буквы для гласных: ⟩ (/u/, /o/), ᛚ (/y/, /i/), ᚾ (/ö/, /ü/); позже была установлена буква ᛆ (/a/, /ä//) [9, с. 332–334]. Помимо этого енисейский вариант руники, который, как теперь признается, ничуть не старше орхонского, имел еще один вокалический знак – ᚷ для /ä/ или /é/ [16][1]. При этом только вокалические знаки могли "то писаться, то опускаться" (В. Томсен), а знак ᛆ употреблялся почти исключительно в конце слов.

---

[1] Доводы В. Томсена в пользу того, что знак ᚷ в енисейских надписях был средством передачи узкой гласной /é/, представляются вполне корректными в рамках приводимого им материала. В его статье фигурируют только примеры, в которых этот знак передает гласную начального слога (принято считать, что узкая /é/ возможна только в первом слоге). Однако зарегистрированный исследователями случай употребления этого знака во втором слоге в словоформе *täbäm* (Е–46) "мой верблюд" (см.: [17]) позволяет допускать, что он был способен передавать как /é/, так и /ä/.

Во-первых, само наличие "вокалических" знаков и их количество (4 + 1) вполне согласуется с предположением о слоговом характере рунического письма (поскольку именно гласные являются слогообразующими элементами). Во-вторых, состав этих знаков, точнее, их фонематическое содержание: *o/u, ö/ü, y/ı, a/ä, /ä/, /e/* – свидетельствует о том, что они в некоторой мере отражали лингвальные признаки передававшихся ими гласных фонов или слогов.

Если разрабатывать дальше гипотезу о слоговом характере ДТРП, то естественно допускать, что не только знаки для гласных, но и упомянутые знаки для десяти согласных фонем тоже могли быть (по крайней мере, когда-либо в прошлом) силлабограммами. "Консонантные" знаки в таком случае должны истолковываться как (может быть, бывшие) репрезентанты 22-х слогов какого-либо собственно тюркского типа. Тот факт, что "вокалический" знак для *a/ä* в абсолютном начале графического слова почти всегда отсутствует и обязательно наличествует в конце начертания слова, привел О. Прицака, как представляется, к совершенно правильному выводу: это должен был быть тип ГС (гласный плюс согласный) [6, с. 85–86][2].

В силу большой морфонологической значимости нёбной гармонии гласных каждая силлабограмма, конечно же, должна была передавать лингвальные признаки гласных, но только в составе слога в целом (отдельные вокалические знаки сначала могли попросту отсутствовать). Значит, 22 знака, о которых идет речь, на одном из этапов эволюции ДТРП вполне могли иметь следующие значения: *ab* (), *äb* (), *ad* (), *äd* (X), *aγ* (), *äg* (), *aj* (), *äj* (), *aq* (), *äk* (), *oq/uq* (), *ök/ük* (), *al* (), *äl* (), *an* (), *än* (), *ar* (), *är* (), *as* (), *äs* (), *at* (), *ät* ( h ). К этому перечню необходимо добавить еще слоги: *yq* () и *ič* () [6, с. 86, 95].

Гипотеза о слоговом характере ДТРП, впервые высказанная самим В. Томсеном и вторично предложенная О. Прицаком, совершенно снимает те сформулированные выше противоречия, которые вскрывает фонологический анализ явления консонантного дуализма: если консонантные знаки на каком-то этапе развития письменности репрезентировали слоги, в составе которых, естественно, наличествовали гласные, то проявление лингвальных признаков последних в самом наборе и в функциональных особенностях этих гласных должно восприниматься как совершенно нормальное.

Отметим, что морфонологические свойства тюркских языков как будто бы благоприятны для формирования слогового письма. В них имеет место регулярное чередование согласных и гласных фонов в составе слов и словоформ, преобладают короткие односложные слова и морфемы (что, кстати, благоприятно и для словесно-слоговой системы письма), редки и весьма ограниченны стечения согласных фонов, почти не бывает стечения гласных [Ср.: 20, с. 10–11]. Множество корней действительно имеет структуру ГС (наряду с корнями типа Г, ГСС, СГ, СГС и СГСС), которая могла лечь в основу первоначальной структуры значений (означаемых) большинства силлабограмм.

Еще одна загадка древнетюркской руники заключается в омографии, наблюдающейся при передаче переднерядной гласной */ä/* (или */e/* – В. Томсен), с одной стороны, и палатализованного аллофона согласной */b/*, с другой. В таблицах № 1 (продолжение) и № 6 Д.Д. Васильева легко обнаруживаются общие аллографы: , [21], которые, согласно распространенному мнению, восходят к одному знаку – (*äb*). Эта омография может объясняться следующим образом: если ДТРП проходила как слоговой, так и фонемный (буквенный) этапы эволюции, то при фонемизации знака со значением "*äb*", т.е. при расщеплении передававшегося им слога "*äb*" на два более

[2] По мнению О. Прицака, фрагмент, найденный в Тойоке (Турфан) в 1905 г. и изданный А. фон Ле Коком [18] свидетельствует в пользу этого вывода: в нем средствами манихейского алфавита передается фонетическое значение 19-ти тюркских рунических знаков. Тот же вывод на основе этого же документа был сделан – по-видимому, совершенно самостоятельно – Талатом Текином. Точка зрения последнего вызвала возражения О.Ф. Серткая [19].

коротких звуковых сегмента – фонему /ä/ и фонему /b/, бывшая силлабограмма неизбежно должна была оказаться пригодной для репрезентации каждой из этих фонем и, следовательно, переродиться сначала в две омонимичные фонемограммы (т.е. буквы), затем за счет имевшихся в наличии аллографов – в разные графемы.

Допустимо, что в данном случае рунология имеет дело с одним из путей возникновения рунических знаков: с превращением аллографов в графемы со своим фонематическим значением как с одним из составляющих процесса перехода от слогового письма к буквенному.

Третья загадка тюркской руники – наличие в ней пяти знаков для передачи согласной фонемы /k/. О. Прицак и А. Рона–Таш солидарны в том, что столь большой набор аллографов следует объяснять повышенной частотностью употребления передаваемой ими согласной фонемы в тюркской речи [6, с. 91; 7, с. 12]. Однако такое объяснение едва ли имеет под собой какое-либо теоретическое основание. Знает ли грамматология подобную закономерную связь между частотностью реализаций фонемы и количеством знаков, которые передают ее на письме?

Более убедительным представляется то объяснение, которое дает аналогичному явлению в этрусском письме И.М. Дьяконов: "Особенно показательно при этом наличие тройки *c, k, q*; назывались эти буквы соответственно "*ke*", "*ka*", "*ky*" и различались в зависимости от того, какой гласный следовал за ними в тексте – *e, a* или *u* соответственно. Понятно, о чем может свидетельствовать это обстоятельство: о наличии древнего слогового письма, в котором *c* значило "*ke*", *k* значило "*ka*", а *q* значило "*ky*", так что не было необходимости писать еще и гласный: данный знак сам по себе передавал следование "согласный + гласный" [20, с. 13].

Приложение такого хода рассуждения к древнетюркскому руническому письму приводит к предположению, что пять знаков, о которых идет речь, на этапе слогового состояния письменности передавали слоги: 1) *ak*, 2) *äk*, 3) *ok/uk*, 4) *ök/ük*, 5) *yk*.

Четвертая загадка ДТРП – использование так называемых лигатур, т.е. знаков для консонантных кластеров (сочетаний согласных), о которых высказывались различные предположения, но чаще всего их объясняли как результат сращения двух графем (особенно в публикациях Османа Недима Туны) [6, с. 87; 7, с. 10, 12; 22].

Объяснение существования знаков для консонантных кластеров также может находиться в полном соответствии с гипотезой о слоговом характере ДТРП на одном из этапов ее эволюции. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что первым компонентом каждого из общепризнанных или предполагаемых кластеров, передаваемых якобы лигатурами, выступает сонант – *nt, lt, nč, rt*(?). Если вспомнить, что среди перечисленных выше типов тюркских слогов имеется модель со структурой ГСС и что первым в составе тюркского консонантного кластера может быть только спирант или сонант, то оказывается вполне допустимым, что и "лигатуры" являются не чем иным, как бывшими силлабограммами, передававшими слоги: *ant, alt, anč, art*(?).

Все, что было изложено в настоящей заметке, укрепляет идею о слоговом характере ДТРП. Правда, эта идея должна, как представляется, получить следующую более конкретную формулировку: в текстах тюркских рунических памятников обнаруживаются свидетельства того, что ДТРП в процессе эволюции проходила этап слогового состояния. К числу этих свидетельств относятся:

1. Явление консонантного дуализма, которое поддается объяснению как следствие того, что затронутые им 22 знака некогда были и в какой-то мере продолжали оставаться силлабограммами.

2. Наличие еще двух "консонантных" знаков ("*yk*", "*ič*"), функционирование которых

зависит от действия нёбной гармонии гласных и которые также допускают истолкование их в качестве настоящих или бывших силлабограмм.

3. Наличие пяти "вокалических" знаков, которые тоже могут трактоваться как силлабограммы.

4. Омографичность, наблюдаемая при передаче переднерядной гласной /ä/ и палатализованного аллофона согласной /b/, как возможное следствие перерождения силлабограммы, передававшей слог "äb", в две омонимичные фонемограммы.

5. Функционирование в надписях пяти знаков для согласной фонемы /k/, легко объяснимое в свете слоговой гипотезы.

6. Наличие знаков для 3-х или 4-х консонантных кластеров – вероятнее всего, последствие существования на этапе слогового состояния силлабограмм, репрезентировавших слоги типа ГСС.

7. Существование не только графем, представляющих слоги с широкими негубными гласными, но и таких, которые передают слоги с губными, а также с узкими негубными гласными.

8. Соответствие предполагаемых силлабограмм типологии тюркских слогов (ГС, ГСС).

9. Благоприятный характер морфонологических свойств тюркских языков для возможного формирования слоговой письменности.

В заключение необходимо отметить, что укрепление гипотезы о силлабичности тюркской руники на одном из этапов ее эволюции, наряду с наличием признаков перехода слогового состояния этой письменности в фонемное (буквенное), влечет за собой и упрочение гипотезы о ее автохтонности, в пользу которой автор настоящих строк имел возможность высказаться совместно с С.Г. Кляшторным в публикации, посвященной грамматологической и исторической проблематике происхождения ДТРП [23].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ


1. *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник 1970. М., 1970.
2. *Clauson G.* The origin of the Turkish "runic" alphabet // Acta Orientalia (Havniae)7 1970. XXXII.
3. *Аманжолов А.С.* К генезису тюркских рун // ВЯ. 1978. № 2.
4. *Ливщиц В.А.* Происхождение древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4.
5. *Сулейменов О.* Грамматика буквы (К истории древнетюркского алфавита) // Изв. АН Каз. ССР. Сер. филол. наук. 1978. № 2.
6. *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages: the system of the Old Turkic runic script // Journal of Turkish Studies. Türklük Bilgisi Araştırmaları. 1980. V. 4.
7. *Róna-Tas A.* On the Development and Origin of the East Turkic "Runic" Script // Acta Orientalia Hungarica. 1987. T. 41(1).
8. *Иванов Вяч.Вс.* Тохары // Восточный Туркестан в древнем и раннем средневековьи. М., 1992. С. 29.
9. *Томсен В.* Дешифровка орхонских и енисейских надписей (перевод В. Розена) // ЗВО РАО. VIII. СПб., 1894.
10. *Поливанов Е.Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. № 9. Ташкент, 1925. С. 179.
11. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960. С. 312, прим. 3.
12. *Trubetzkoy N.S.* Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue // Actes du deuxième Congrès international de linguistes. Genève, 25–29 août 1931. P. 121–122.
13. *Бодуэн де Куртенэ И.А* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 352.
14. *Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
15. *Shorto H.L.* The Interpretation of Archaic Writing Systems // Lingua. 1965. V. 14.
16. *Thomsen V.* Une lettre méconnue des inscriptons de l'Iénissei // Samlede Afhandlinger. Tredje Bind. KØbenhavn, MCMXXII. P. 83–91.
17. *Щербак А.М.* Памятники рунического письма енисейских тюрок // НАА. 1964. № 4.

18. *Le Coq A.V.* Köktürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte d. Königl. Preuss. Akademie d. Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. V. 41. B., 1909.
19. *Sertkaya O.F* Kağida Yazılı Göktürk Metinleri // III. Sovyet-Türk Kollokyumu "Göktürk Anıtları (Dil, Edebiyat, Sanat, Arkeoloji, Tarih, Kültür)". 8–15 Haziran 1990. Alma-Ata. Kazakistan SSR. Istanbul, 1990.
20. *Дьяконов И.М.* Предисловие // Фридрих И. История письма. М., 1979.
21. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. (Опыт систематизации). М., 1983. С. 96, 102–103.
22. *Tuna O.N.* Eski Doğ Türk Yazısında Kullanılan Ligatürler ve Bunlarla ilgili Bazı Meseleler hakkında // III. Sovjet-Türk Kollokyumu "Göktürk Yazıtları". Tebliğler. Malatya, 1990. S. 1–15.
23. *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Проблемы происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма. (К столетию дешифровки) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 4 (№ 23). С. 57–62.